

Древо Маньковских: корни и крона

Генеалогический портрет

Неповторимый ландшафт Александровской, а в недавнем прошлом Октябрьской больницы на взгорьях Печерска, проторенные ворота с крутой Шелковичной к верхнему ее плато. Скромная мемориальная доска на фасаде неврологического корпуса напоминает, что здесь несколько десятилетий, с 1920 по 1961 год, трудился выдающийся ученый, заведующий кафедрой нервных болезней Киевского медицинского института, академик АМН СССР Борис Никитич Маньковский.

Слова М.А. Булгакова, сказанные о другом медике, Феофиле Гавриловиче Яновском, — «Это был врач, каких мало в стране», — в равной мере могут быть отнесены и к Б.Н. Маньковскому. Его талантом и прозрениями украинская неврология достойно вошла в мировую науку — первой в мире диагностической расшифровкой опухоли шишковидной железы, новым взглядом на рассеянный (или, по Б.Н. Маньковскому, множественный) склероз и пароксизмальный паралич до дебюта нейрогерии. Да и сама палитра нейропатологии до эпохи компьютерных видеотехнологий скорее умозрительна, но не менее часто безошибочна, — это и непосредственное детище украинского ученого. Быть может, и о нем можно сказать словами Гомера: «Воинов многих стоит врачеватель искусный».

Однако тут следует важное добавление — вклад Бориса Никитича равноценен, а скорее бесценен, и в гражданской, и в военной медицине. Стоит напомнить, что он вошел в первую когорту действительных членов АМН СССР в 1944 г., когда еще шли бои с нацизмом, и большинство в данной плеяде было непосредственно причастно к защите Родины силой своих знаний и опыта. Да и факт присвоения Б.Н. Маньковскому в 1943 г. звания заслуженного деятеля науки УССР, когда в г. Челябинске он осуществлял неврологические консультации в десятках эвакуационных госпиталей, значит, что и в свои шестьдесят, как и в далекие тридцать, ему были не чужды проблемы ратной медицины.

Истоки

Но если в цельном жизнеописании Бориса Маньковского прямые периоды помощи раненым воинам — лишь эпизоды, то его отец Никита Иванович Маньковский, выпускник Петербургской медико-хирургической академии в дореволюционные годы, был профессиональным военным врачом, начальником военно-санитарного управления в г. Вильно. Дослужившись до ранга действительного статского советника (звания генерал-майора), Никита Маньковский поража́л своим демократизмом, высоким уровнем заботы о солдате в качестве врача-терапевта и медицинского администратора, либеральностью взглядов.

Какой-то особый врожденный аристократизм унаследовал от него и сын Борис Маньковский. Впрочем, тут доминировало прежде всего совершенно особое отношение к врачебному долгу. Эти качества будущего светила неврологии доказательно проявились в дни его службы в Киевском военном госпитале в разгаре Первой мировой войны, когда в иные дни сюда поступали до тысячи пострадавших, и многие остро нуждались в интуиции и знаниях Б.Н. Маньковского.

В единой связке Маньковских, в генеалогических отпечатках таланта, трудолюбия, интеллигентности и порядочности заключалась некая тайна, которая словно несла достойный свет через своих далеких предков в славной казацкой элите Украины. Тут как раз и следует перейти к замечательному исследованию генерал-майора медицинской службы, доктора медицинских наук, профессора Михаила Бойчака «История Киевского военного госпиталя». Драматизм обстоятельств Первой мировой войны, когда противник впервые применил на российском фронте разрывные

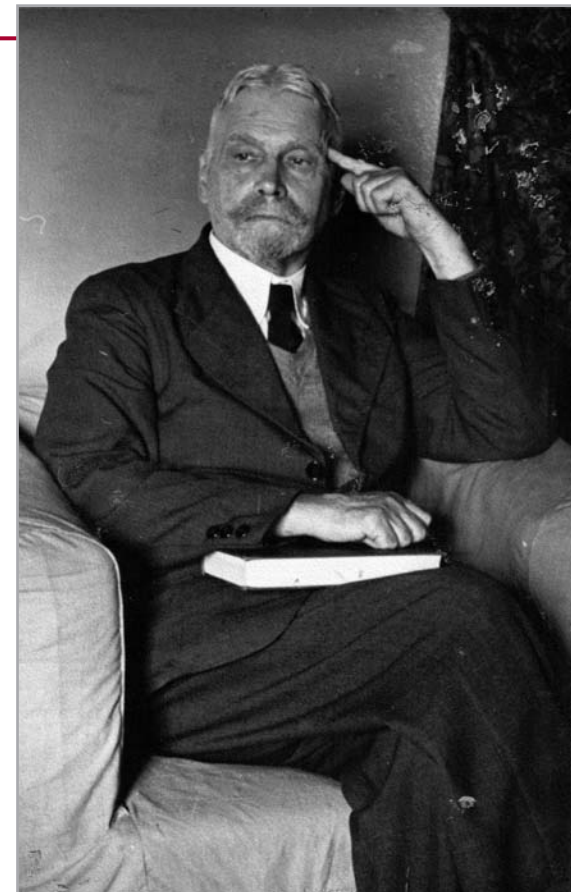
пули и химическое оружие (и таким повреждением умело противостояли врачи госпиталя, в числе которых был младший ординатор Борис Маньковский), побудил исследователей истории госпиталя М. Бойчака и Р. Лякину провести источниковедческий поиск по изучению родословной Маньковских на основании трудов доктора исторических наук Владимира Кривошея о казацкой старшине.

Оставляя до поры за кадром нынешней эпохи ближайшие центростремительные составляющие рода, перенесемся в ключе нашей темы в седую старину гетманской Украины, в неизменную романтику мужества и достоинства, мало известную нынешним поколениям. Как указывается в исторических хрониках, Карп и Иван Маньковские значатся в описаниях Шептаковской сотни Стародубского полка как ее военачальники. С уверенностью можно предположить, что сотня была на самом деле куда большим по количеству соединением, поскольку и сам Стародубский полк как территориальная единица охватывал земли нынешней Черниговщины в ее северных очертаниях и часть Брянщины. Это был своеобразный бастион гетманской республики. Стародубский полк и Шептаковская сотня, в которой традиционно служили Маньковские, участвовали во всех военных походах украинских гетманов вплоть до ликвидации Екатериной II Запорожской Сечи, а следовательно, в реалиях беспримерного былого и настоящего казацкой Украины. Перед представителями ее авангарда, в состав которого входили и Маньковские, теперь простиралось лишь два пути: переход на службу в российские войска с сохранением дворянских привилегий либо продвижение в русле духовного сана, а также сохранение поместий в Малороссии. В конкретных обращениях к этому общему украинскому общественному зеркалу на протяжении XVI-XVIII ст., начиная с летописи Стародубского полка, Маньковские вошли в такие соловьиные линии, сохраняя наследственный герб «Ястржембец» как эмблему своего генеалогического древа.

В этой статье мы впервые публикуем сведения о дедe Б.Н. Маньковского — Иване Васильевиче, любезно предоставленные Н.М. Лобановой из государственного архива в г. Чернигове. Ей удалось установить, что род Маньковских внесен во 2-ю часть Родословной книги черниговского дворянства, составленной Г.А. Милорадовичем. Там значатся Маньковский Иван Васильевич, поручик; его жена, дочь священника, Александра Ивановна Раевская; их сын, Никита Иванович, 1842 года рождения, коллежский советник, старший врач 33-й артиллерийской бригады; его жена, Александра Ивановна Жулина. Их дети — Борис, 1883 года рождения; Владимир, 1889 года рождения; Лидия, 1885 года рождения.

Иван Васильевич Маньковский начал службу в 1830 г. в Козловском пехотном полку, продолжил в Тенгинском пехотном полку; произведен в прапорщики в 1836 г., уволен в отставку поручиком в 1839 г. Участвовал в кампаниях против горцев, и за отличие в сражениях награжден орденом Св. Анны III степени («Родословная книга черниговского дворянства», С.-Петербург, 1901, ч. II, с. 357).

От себя добавим интересную историческую деталь. Не уйдя И.В. Маньковский в отставку в 1839 г., он стал

Б.Н. Маньковский

бы сослуживцем М.Ю. Лермонтова, который прибыл в Тенгинский пехотный полк в 1840 г. и служил в нем вплоть до своей гибели на дуэли в г. Пятигорске в 1841 г.

Без права на слабость

Б.Н. Маньковский родился в г. Козельце в 1883 г. и отроческие годы, как и его младший брат, провел на Черниговщине. В начале 1900-х гг. он стал студентом медицинского факультета университета Св. Владимира в г. Киеве. Сомнений в правильности выбора не было: врачебный мир, жребий долга привлекали Б.Н. Маньковского. Свободолюбивые тенденции и преобразования в стране нарастали, предгрозя революций приближались, Киевский университет также бурлил такими настроениями. На студенческие волнения власть реагировала жестко и однозначно: исключением вольнодумцев, как правило, с волчьим билетом, насильственным призывом в армию. Борис Маньковский в 1904 г. оказался в ряду исключенных, и это был осознанный выбор.

Никита Иванович и не подумал о каких-то попытках смягчения участи сына, хотя, возможно, и разделял его взгляды. Так Борис Маньковский оказался в г. Лейпциге, где продолжил учебу на медицинском факультете университета. Собственно, сама жизнь предопределила его будущее невролога: широта образования в сочетании со знанием европейских языков и новациями сформировали ясное ощущение необходимых клинических горизонтов, энциклопедизм врачебного мышления. Огромное влияние в этом плане оказала стажировка у Пьера Мари, ученика легендарного Жана Шарко, в клинике Сальпетриер вблизи г. Парижа. Связь с ведущими неврологическими школами Европы становилась для Б.Н. Маньковского преобладающей линией: на стенах кабинета на третьем этаже неврологического корпуса, где он многие годы трудился, висят портреты ведущих мировых ученых в этих отраслях на протяжении веков.

Два товарища

1910 год. Вернувшись в г. Киев, Борис Маньковский успешно защищает в университете врачебный диплом. Его уровень привлекает Михаила Никитовича Лапинского, заведующего кафедрой нервных и душевных болезней, и с этого времени их пути сближаются. Воспитанник этого же университета, М.Н. Лапинский принадлежит к самобытным исследователям и клиницистам в неврологии. Характерна тема его диссертации на соискание степени доктора медицины — «О заболеваниях сосудов при страдании первичных нервных стволов периферической нервной сети». Лестницей совершенствования М.Н. Лапинского в синтезе клинической неврологии с изучением патоморфологии нервной системы являлись гг. Берлин и Париж. Это привело к разработке учения о висцерорефлекторной патологии. В 1913 г. появилась первая в России монография М.Н. Лапинского о проблемах

боли. Труды киевского невролога были настолько оригинальны и глубоки, что переводились на немецкий и французский языки.

...Совсем близко трагический для Европы 1914 год. Два врача достойно понесут груз новых обязанностей, причем Б.Н. Маньковский, успев в мирные дни пройти годичную стажировку в г. Цюрихе в Институте физиологии и морфологии нервной системы, которым руководил выходец из России Константин Мошков, сосредоточивает свои профессиональные усилия на военной службе. Дел и обязанностей в госпитале у него множество: помимо работы в неврологическом и психиатрическом отделениях и лазарете земского союза, это постоянные, нередко urgentные консультации в офтальмологическом и пяти хирургических отделениях госпиталя.

В период смуты и гражданских войн М.Н. Лапинский эмигрирует из г. Киева. Он возглавит кафедру и клинику нервных болезней в г. Загребе. Известен факт его благородного содействия Николаю Булгакову, будущему Николке из «Белой гвардии», в завершении им в эмиграции медицинского образования, но это отдельная новелла.

Связь между М.Н. Лапинским и Б.Н. Маньковским формально прервалась, имя изгнанника замалчивалось. Лишь ученик опального профессора в докладе о пути кафедры в рамках трудов, посвященных 100-летию Киевского медицинского института (редкостное издание вышло в 1946 г.) бесстрашно упоминает об учителе, а заложенные им направления и на кафедре, и в госпитале, и в сформированном в 1927 г. Психоневрологическом институте будут неуклонно развиваться.

Сила духа

Линия поколений в науке фактически всегда материальна. Говоря о таком деонтологическом и научном влиянии, исходившем от фигуры Бориса Никитича, не могу здесь не сказать, что автору этих строк в студенческие годы посчастливилось видеть ученого на обходах, слушать его лекции. Воспоминания эти в чем-то отражают трудное время, когда муслировалось «дело врачей» и вся медицина в начале зимы 1953 г. находилась под подозрением как нечто злокозненное. Кафедра и клиника Б.Н. Маньковского в эти недели смело и убежденно демонстрировала противоположное: доверие пациентов к врачам, нерушимость педагогических и клинических традиций и, по сути, неприятие распространяемых заблуждений. Такой стиль и дух кафедры олицетворял прежде всего маститый профессор. Это впечатление о нем, ощущение его молчаливых дум дорогого стоит. Борис Никитич руководил этой кафедрой в течение почти четырех десятилетий — с 1922 по 1961 год. Одновременно в 1922-1941 гг. он заведовал кафедрой нервных болезней в Институте усовершенствования врачей и долгое время возглавлял Психоневрологический институт, являясь наставником неврологов страны.

По зову сердца

Декабрь 1914 г. Первенца в молодой семье Бориса Никитича и Екатерины Дмитриевны (урожденной Ревинной) назовут Никитой. Но Борис Никитич в лихорадке своих госпитальных будней редко видит сына. Со временем они покинут родовое гнездо, уютный особняк на улице Тарасовской, и это, казалось бы, беспощадно сотрет следы былого. Но они не только не исчезнут, а блистательно и влекуще воплотятся в образе и исканиях заслуженного деятеля науки Украины, лауреата Государственной премии в области науки и техники Никиты Борисовича Маньковского. И так, в удивительном календаре мы перелистываем очередную страницу.

В пространстве этого очерка начинают бить и струиться новые фактологические ключи, быть может, самые важные в данном описании. Мы обращаемся к беседе между Никитой Борисовичем и талантливым научным публицистом, заслуженным врачом Украины,

Н.Б. Маньковский

Н.И. Маньковский

профессором Владимиром Медведем в его книге «Диалоги о медицине и жизни».

«Начал я свою учебу, — рассказывает в 2002 г. Н.Б. Маньковский, — еще в детском саду, прекрасном частном детском саду с хорошим набором преподавателей, поступив сразу в 3-й класс 45-й опытно-показательной школы на бульваре Шевченко. Русский язык и литературу читала Анна Пантелеймоновна Снежкова, «бестужевка», как и моя тетка, с глубоким филологическим образованием. Уроки посвящала в основном истории русской и мировой литературы. Отсюда, наверное, моя ранняя любовь к книгам и, в частности, к французской классике. Затем, после Киевского политехникума связи, стал студентом факультета электротехники Киевского политехнического института. Прочулся там два курса. Как-то раз

Б.Н. Маньковский-младший

случайно попал на заседание общества хирургов, которое вел Алексей Петрович Крымов, заведующий кафедрой факультетской хирургии. Меня это увлекло, и я впервые задумался о медицине как о будущей специальности. К тому же я был в курсе всех медицинских вопросов, поскольку в доме постоянно говорили о них. Кафедра отца работала очень интенсивно, подготовка журнала «Современная психоневрология», единственного тогда журнала подобного профиля, происходила у нас дома, и я с детства находился в этой атмосфере».

Продолжая эти строки, добавим, что в 1939 г. Н.Б. Маньковский окончил Киевский медицинский институт, был принят в аспирантуру при кафедре физиологии, но вскоре мобилизован. Преподавал в Киевском военно-медицинском училище, с ним же в начале войны попал в г. Свердловск, но затем был отправлен на фронт. «Я попал на формирование 363-й стрелковой дивизии, — продолжал Н.Б. Маньковский свой рассказ, — и уже в октябре нас перебросили в Москву, где разворачивалось наступление немцев. Наша дивизия внесла свой вклад в их разгром. Я продолжал службу в ней — командиром медико-санитарной роты, затем — медсанбата. В конце 1942 г. меня назначили

начальником отдела полевого эвакуационного пункта 2-й Гвардейской армии, я отвечал за эвакуационную работу 25 госпиталей. В марте 1945 г. был тяжело контужен под Кенигсбергом».

Коснемся лаконично и дальнейшего. С 1945 г. Н.Маньковский — сотрудник Киевского психоневрологического института, затем доцент кафедры нервных болезней Киевского медицинского института (1948-1950), ректор Черновицкого медицинского института (1950-1955), заведующий указанной кафедрой КМИ (1960-1964), а с 1965 г. — руководитель и основоположник нового клинико-социального направления — нейрорogerии в составе Института геронтологии АМН СССР, а затем АМН Украины. Описал, в частности, патогенез и клинику ревматических поражений нервной системы. Вот названия лишь нескольких фундаментальных трудов Никиты Борисовича: «Ревматический энцефалит», «Старение и нервная система. Очерк клинической нейрорogerологии» (1972), «Долгожители.

Нейрофизиологические аспекты» (1985), «Старение мозга» (1991). Но интеллект и обаяние самого Никиты Борисовича, 96-летнего патриарха украинской неврологии, к счастью, не тускнеют, символично переключаясь с образом и наследием академика Бориса Маньковского. В 1983 г., к столетию со дня рождения, была выпущена памятная медаль в его честь. Она хранится у Никиты Борисовича — словно драгоценное средоточие былого, настоящего и будущего.

Научная эстафета

Развивая мотивации и свершения в отражении научных проблем, как бы слитных с генами Маньковских, коснемся в общих, но важных штрихах научного портрета Ирины Никитичны Маньковской, доктора медицинских наук, профессора, лауреата Государственной премии Украины в области науки и техники, избравшей линией жизни патологическую физиологию и, в частности, аспекты гипоксии. Есть нечто трогательное в том, что когда цикл работ по преодолению опасностей кислородного голодания был отмечен Государственной премией Украины, то во главе списка ученых в память о решающем вкладе в направление коллеги поставили имя академика Николая Николаевича Сиротинина. И тут видится какой-то заповедный научный квадрат: взмах мысли М.Н. Лапинского о сосудах в единстве с нервным управлением, битвы Б.Н. Маньковского с фатумом гипертонической болезни, новые взгляды на резервы мозга, развитые Н.Б. Маньковским в его нейрорogerических проникновениях, и расшифровка механизма противоборства гипоксическим состояниям, чему посвящены труды и дни И.Н. Маньковской.

И наконец, небольшой очерк о Борисе Никитиче Маньковском-младшем, недавно избранном членом-корреспондентом Национальной академии медицинских наук Украины. Ученик видного эндокринолога и диабетолога, академика А.С. Ефимова, профессор Борис Маньковский возглавляет сегодня кафедру диабетологии в Национальной медицинской академии им. П.Л. Шупика. Его труды в переводе на английский недавно опубликованы в США. Дважды под его руководством в г. Киеве проходили семинары эндокринологов и диабетологов, в которых принимали участие врачи и исследователи из Украины и стран СНГ. По результатам этих мероприятий Ассоциация по изучению сахарного диабета выделила украинским врачам ряд грантов.

И еще одна веточка на генеалогическом древе — Георгий Маньковский, выпускник Национального университета им. А.А. Богомольца 2010 года, продолжатель традиций и устоев семьи, избравший в качестве специализации интервенционную кардиологию. Таким образом, эстафета рода, вот уже пятое столетие честно, талантливо и действенно служащего науке и Украине, вновь в молодых руках.

Подготовил Юрий Виленский